

Язык догмы: означающее и означаемое

В. Л. Вольфсон

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Каменноостровский пр., д. 66, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: vwolfson@mail.ru*

Природа языка легального текста сама по себе является важнейшей теоретической темой правоведения. Вместе с тем от того, как понимается язык позитивного права, напрямую зависит методология его прочтения, то есть прикладная юриспруденция в своей основной функции – аналитической. И то, и другое очень редко становится объектом исследования в российской юридической науке.

Как следствие, в отечественной доктрине отсутствует конкуренция теорий и сопутствующая дискуссия по этой проблематике. Между тем едва ли есть другая область юридического знания, где бы экономия на теории обходилась столь дорого практике. В отличие от сугубо отраслевых проблем, где доктринальная невзыскательность может ретушироваться прикладными навыками, которые могут в несложных случаях обеспечить приемлемый уровень правоприменения, язык догмы и дефицит попыток ее осмысления имеют прямой эффект на правосудие и правопонимание.

В этой статье, которая стала новым «изводом» труда, созданного в 2011-2012 г., автор предлагает свое понимание природы легального текста, определяет и раскрывает его существенные свойства – аксиоматичность, верификационную автономию, однозначную внятность. При этом высказывания, образующие легальные правила, рассматриваются в категориях «означающего» и «означаемого», введенных в лингвистику Ф. де Соссюром. Практическими итогами этой теории стали, во-первых, принцип конструирования Означающего, именуемый в работе формулой логической достоверности, а во-вторых – определяемая этой формулой иерархия схем означивания легального текста, или, что то же самое, методов верификации суждения о догме.

Ключевые слова: язык права, толкование права, означающее и означаемое, злоупотребление правом, обход закона.

Dogma Language: the Signifier and the Signified

V. L. Volfson

*North-West Institute of Management, Branch of RANEPA
66 Kamennooostovsky Prospekt, 197022, St. Petersburg, Russia. E-mail: vwolfson@mail.ru*

The linguistic essence of legal text is in itself a respected theoretical topic in jurisprudence. At the same time, the methodology of its reading, which is the main, namely analytical function of applied jurisprudence, directly depends on how the language of positive law is understood. Both of these seldom emerge as the object of the Russian scholarly research.

As a result, the domestic doctrine sees little competition between theories and lack of relevant discussion on this issue. Meanwhile, there are hardly any other areas of legal knowledge where saving on theory would be so detrimental to practice. While experience-based skills, when applied to most sectoral problems, may commonly conceal doctrinal illegibility in simple cases and provide an acceptable level of law enforcement, the language of dogma, with lack of attempts of its comprehension, causes a direct effect on justice and legal understanding.

In this article, which has become a revised “recension” of the work created in 2011 - 2012, the author offers his understanding of the nature of a legal text. He also identifies its essential properties, referred to as axiomaticity, verification autonomy, unambiguous intelligibility. In the course of this study he discusses statements that form legal rules in terms of “signified” and “signifier”, the concepts introduced into linguistics by F. de Saussure. The practical results of this theory are, firstly, the principle of construing the Signifier which the author calls “the formula of logical certainty”, and secondly, defined by this formula, the hierarchy of patterns to signify a legal text, or, to put it another way, of methods to verify judgments about the dogma.

Key words: language of law, statutory interpretation, signified and signifier, abuse of law, colorable transaction.

Предисловие.

В 2012 году была опубликована моя статья «Язык догмы: обход невозможен» [Вольфсон 2012: 8-19]. В ней было представлено исследование, итогом которого стала теория природы легального текста. Эта теория часто используется в моих последующих работах.

Доктринальная среда написания статьи была скудной, и таковой она остается по сей день. В отечественном правоведении, в том числе в трудах по моей специальности, цивилистике, не видно качественных исследований природы легального текста, хотя я вовсе не видел ту работу исчерпывающей поле для новых выводов – несмотря на некоторый фундаментализм ее названия. Современные высказывания цивилистов, если они предполагают понимание языка права, часто оказываются беспомощными, а ведь на них строятся целые научные теории и даже печальной памяти пленумные постановления, прямо затрагивающие существо языка права. Так, презумпция диспозитивности любой нормы гражданского права, на которой основано похожее на вероучение Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах», необязательно свидетельствует о невежестве в пандектных принципах построения системы права, ибо могла стать следствием правополитического, как сказали бы сами авторы постановления, умысла, но она возникла из незнания канонов чтения легального текста [Вольфсон 2016: 94, 95]. Общие проблемы порождают частные. Так, в п. 24. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» содержится указание на штрафную природу неустойки за просрочку доставки груза, что, вероятно, заслуживает поддержки как суждение *de lege ferenda*, каковым разъяснение высшего суда по определению не является, тогда как обоснование этого вывода в постановлении ссылкой на п. 11 Устава автомобильного транспорта вступает в противоречие с принципом квалифицированного умолчания, диктующим противоположное прочтение легального правила [Вольфсон 2022: 84].

В ГК отсутствуют нормы, предписывающие правила толкования, и это естественно: легальный текст не должен содержать памятку о том, как его толковать, – это противоречило бы его природе, о которой речь пойдет ниже. Но ст. 431, устанавливающая подходы к толкованию договора, а также единственное пленумное разъяснение этих правил¹ не свидетельствуют об эпистемологическом уровне, соответствующем уровню развития нашего гражданского права. Так, требование для целей толкования договора принимать во внимание «буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений» показывает не только непонимание законодателем того, что «буквального значения» в языке вовсе не существует — и поэтому основанное на нем толкование приводило бы к ошибочным выводам, как решение любой задачи, основанное на ошибочной посылке, но и, вероятно, неизвестность авторам этой нормы факта множественности языковых конвенций [Вольфсон 2023а: 46]. Верховный Суд РФ в Постановлении № 49 не воспользовался своими, так сказать, экстра-конституционными полномочиями, которые он пускает в ход, чтобы поправить законодателя, однако этот навык пригодился – в п. 45 наше законодательство обогатилось отсутствующей в нем императивной нормой о «толковании договора» в соответствии с правилом *contra proferentem*, в действительности представляющим собой не что иное, как отказ от толкования [Вольфсон 2023а: 52].

О написании этой статьи, вероятно, я впервые задумался после того, как ознакомился в сентябре 2011 г. с проектом новой редакции Гражданского кодекса², подготовленным Советом по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. В ст. 10 ГК, в ряду разновидностей злоупотребления правом, имелось указание на «действия в обход закона». Несогласие с этой новеллой [Вольфсон 2012а], которое разделяли в те годы и другие авторы [Муранов 1997; Муранов 2011], было, среди прочего, связано с тем, что в ней просматривалась презумпция неоднозначности позитивного права. Возникла идея показать, что такое вменение несовместимо с языком догмы; обладая свойствами аксиоматичности, внятности и однозначности, этот язык не сохраняет пространства для «обхода закона»³. Императивная норма оставляет только два варианта описания действий субъекта: правонарушение или правомерное действие. Принятие такой природы легального текста стало бы еще одним способом убедиться в теоретической несостоятельности и практической вредоносности конструкции «обхода закона».

Таким образом, построение теории языка права изначально ставилось как вспомогательная, но крайне важная задача. Ее последовательное решение превратилось в опору другой теории, создаваемой в течение многих лет, – злоупотребления субъективным гражданским правом [Вольфсон 2023]. Дело в том, что отправным положением последней теории является идея о возникающей при осуществлении субъективного права дихотомичности интересов. Основанное на законодательном режиме субъективное частное право есть юридическое выражение вмененного интереса, неизбежно несовпадающего с реальным интересом субъекта, что открывает возможность осуществления такого субъективного права в условиях недостаточности реального интереса или его отсутствия в том благе, на достижение которого направлен вмененный, предполагаемый в этом праве интерес. Такое представление

¹ Имеется в виду Постановление Пленума от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (далее – Постановление № 49).

² Законопроект № 47538-6 № 47538-6/13 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6>.

³ Сторонниками конструкции «обхода закона» в те годы использовался следующий довод: из-за того, что законодательство не легитимирует эту конструкцию, к ней вынуждена прибегать арбитражная практика, и тем самым нарушается принцип правовой определенности» (см., например, п. 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 146 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров»). Автор неоднократно подвергал эту доктрину развернутой критике [Вольфсон 2012а].

открывает возможность и к объективизации понятия «достаточность интереса», но только при условии, что легальный текст понимается как область исчерпывающего воплощения всего подлежащего вменению интереса, т. е. когда исключается предположение о допустимости альтернативного, внешнего догме, вменения в нее какого-либо интереса, что практикуется при телеологическом толковании, ставящем его в зависимость от целеполагания. А для этого необходимо было доказать, что легальный текст обладает имманентными ему свойствами верификационной автономии, внятности и единичности содержания.

Но очень скоро стало ясно, что природа языка права в целом, а вовсе не только как прикладная тема для изучения проблем осуществления субъективного права, не имеет удовлетворительного, по мнению автора, освещения и достойного себя уровня дискуссии в отечественной доктрине. Возникает неизбежная и, вероятно, основная версия объяснений тех суждений в науке, решений законодателя и правоприменительных актов, о которых шла речь выше. При очевидности значения этой проблемы такое положение дел вызывает недоумение и желание предложить свое решение. Природа языка права заслуживает того, чтобы привлечь к себе качественно иное внимание отечественных не только теоретиков, но и коллег-цивилистов, так как они предметно занимаются аналитической юриспруденцией в области, где могут столкнуться различные школы правопонимания, – специалисты в публичных отраслях права, ввиду принципа ограничительного толкования относящихся к этим отраслям норм, вероятно, здесь испытывают меньшие затруднения.

Хотя за последние годы было опубликовано немало моих работ, в которых прямо или косвенно затрагиваются лингвистические вопросы права, есть потребность в реконструкции труда, который я считаю своей важнейшей работой по этой теме. «Язык догмы» вобрал в себя изложение моей теории языка легального текста, выявление свойств этого языка (или принципов его понимания), иерархию схем означивания, то есть последовательно применяемых способов прочтения нормы права. Публикация 2012 г. по ряду причин не получила внимания, которого, как представляется автору, заслуживал «Язык догмы», если уж не высказанными в работе идеями, то заданной исследовательской перспективой. Конечно, повторная публикация в другом журнале уже опубликованной статьи нарушала бы принципы издательской этики, поэтому речь могла идти только о переработке текста – тем более, что срок длиной в 12 лет неизбежно создает отдаление, позволяющее автору видеть несовершенства выражения своей мысли, не говоря уж о том, что такой срок почти всегда вмещает перемены в законодательной среде, существенные даже для теоретической работы.

Итогом этой переработки «Языка догмы» стала статья, в которой близкими мне сегодня средствами выражения и с поправкой на изменившийся контекст я постарался донести до правоведов, и прежде всего цивилистов, идеи, породившие текст 2012 г. и сохраняющие важность для меня и поныне. Считаю принципиально важным, что новая статья публикуется в журнале «Юрислингвистика», единственном в стране периодическом научном издании, для которого взаимодействие языка и права является профильным направлением редакционной политики.

В завершение предисловия стоит подчеркнуть, что речь в статье идет только о языке позитивного законодательства, под которым понимаются положения права, принимаемого, если воспользоваться аллюзией на *rule of recognition* Харта [Hart 2012], как объективно существующее и действующее благодаря тому, что оно было официально введено в действие компетентным органом власти в соответствии с признаваемой правопорядком процедурой.

§ 1. Коротко об уровне научной разработки темы.

Несмотря на то, что однозначность правовых предписаний, казалось бы, является общим местом в юриспруденции и относится к основным системным характеристикам права, в юридической науке высказываются различные мнения относительно того, на чем основывается эта однозначность; при этом суждений, отрицающих это качество легального текста, встретить почти не удастся.

Российское правоведение не пытается конкурировать с англоязычной философией права (*legal philosophy*) в лингвистических исследованиях языка права. В нашей науке отсутствуют исследования, сопоставимые с трудами Г. Л. А. Харта [Hart 1961], Р. Дворкина [Dworkin 1986], Й. Раза [Raz 1990], Т. Эндикотта [Endicott 2022] и других ученых, которые поставили проблематику юридического высказывания на уровень главной проблемы современной юриспруденции. Здесь, в свою очередь, сыграла роль «эндемичная» интеллектуальная традиция: направление *р а в о в о й* мысли сложилось под воздействием поворота в *ф и л о с о ф с к о й* мысли, который произошел в первой половине XX в. прежде всего стараниями британских неопозитивистов и не имел явных соответствий в отечественной философии [Вольфсон 2023: 46]. Этот поворот, ныне без обиняков называемый «лингвистическим», отталкивался от убежденности в том, что многие философские проблемы оказываются лингвистическими недоразумениями, возникающими из-за безответственного употребления метафизических, не поддающихся верификации суждений. Аналитическое отношение к любому типу высказываний не могло не охватить те, что воплощены в нормах права. В итоге тезис Дж. Л. Остина [Austin 1962] о перформативной сущности нормы права как высказывания стал узлом, распутывая который Харт [Endicott 2022] создал свою теорию признания как критерий отличия юридической реальности от любой с нею сходной [Hart 2012: 255], а также теорию «аскриптивности» правовых норм [Hart 1951].

Несмотря на то, что в отечественном теоретическом правоведении вопрос о сущности права традиционно, но особенно последние десятилетия, вызывает настолько живой интерес, что образовались полноценные научные школы, дающие на него принципиально разный, хотя и едва ли оригинальный, ответ, на вопрос о природе языка права, в частности — существенных свойств легального текста, наша наука по-прежнему считает искать ответы делом

для себя то ли не слишком важным, то ли слишком затруднительным. Казалось бы, в годы, прошедшие после появления первой версии «Языка догмы», труды англоязычных классиков стали достаточно известны; так, несколько трудов Харта и Дворкина были переведены на русский язык. Ожидаемо появились работы, в том числе созданные специалистами, принимавшими участие в создании переводов, в которых обсуждаются воззрения этих ученых и по интересующей нас проблеме, – во всяком случае, в них раскрываются эпистемологические основы их вопрошания о природе языка права [Оглезнев, Тарасов 2010: 104]. Однако о качественном переломе говорить не приходится. Характерно, пожалуй, что многие из новых работ создаются философами и лингвистами [Томсон 2017], а не юристами (и уж точно никогда – представителями отраслевого правоведения).

В известных автору отечественных трудах по юриспруденции осмысление природы языка права не идет далее описания отдельных признаков [Недбайло 1960], [Пиголкин 1962], [Черданцев 1972], [Хабибулина 2012], [Кошелева 2013]; попыток же выявить существенные свойства этого языка и предложить свою теорию нам заметить не удалось. Но и в англоязычной литературе автору не встретились теории, в которых постулат об абсолютной определенности языка права опирался бы на используемые в нашей статье аргументы.

Речь прежде всего идет о принципиальной неверифицируемости легальных правил как высказываний, о столь же тотальной верифицируемости любого суждения о содержании права, о понимании легального текста как самоозначающей реальности.

§ 2. Означающее и Означаемое в учении о догме.

Термин «Означаемое» и образующий с ним дихотомическую пару термин «Означающее», оба в качестве субстантиватов, по-видимому, дебютируют, ввиду неразвитости в нашем правоведении учения о языке догмы, в отечественной работе. Им соответствуют термины *le signifié* и *le signifiant*, введенные в научный оборот швейцарским языковедом Ф. де Соссюром [де Соссюр 2023: 75]. В семиотике эти термины являются общепринятыми. Правда, уже после выхода в свет первой редакции «Языка догмы» появилась работа, в которой язык права также обсуждается в этих категориях, однако Означаемое понимается как общественные отношения [Кошелева 2013: 177]. Но в нашей теории обе категории относятся к языку легального текста. Каким содержанием и какими качествами эта теория их наделяет, будет ясно из ее изложения.

§ 3. Суждение о догме.

Профессиональное знание можно описать как область Означаемого – значений, верифицируемых наукой, которая систематизирует это знание. Вне легитимной (здесь: достаточно надежной) верификации профессиональное суждение следует считать лишенным смысла. Верификация суждений – это ключ к Означаемому. Поскольку же поле Означаемого не имеет границ, можно говорить о том, что знание – это даже не совокупность Означаемого, но обладание методикой верификаций. Имплицитным предложением инструмента верификации того, что было высказано, профессиональное суждение отличается от суждения дилетанта.

Действительность воспринимается субъектом профессионального знания как текст, способный быть прочитанным на языке его профессии. Чтение же представляет собой означивание, наделение значением, имеющим подтвержденные или подтверждаемые по правилам научной верификации версии в области компетенции этого субъекта. Прочитанное распределяется по ячейкам, организованным для данной профессии родственной ей наукой.

В обычном случае ценз научной верификации, т. е. стандарт соответствия критериям истинности, определяется существенными свойствами явлений, но в аналитическом правоведении источником верификации Означаемого, то есть высказывания о содержании позитивного права, становится само действующее право в виде правового режима¹. Означаемое в действующем праве, как и суждение о нем, принято называть догмой права.

В обычном случае профессионал, утверждая что-либо, на самом деле заявляет о том, что располагает программой верификации, способной удостоверить истинность его слов, – но юрист, говорящий на языке действующего права, заявляет лишь о том, что сказанное им открыто проверке на истинность прочтением соответствующего положения закона, не может пройти эту проверку никаким прочим способом и, наконец, что тест этот, если он состоится, окажется положительным. Понимание закона и есть программа верификации суждений юриста. Поэтому если профессиональное знание в обычном случае есть владение техниками верификации Означаемого в профессиональном языке, то правовое знание есть умение определить подлежащую применению норму права и правильно ее прочитать, т. е. уяснить ее смысл.

Суждение о содержании правовой нормы, будучи по существу предложением верификационной программы, подразумевает также и ряд пояснений относительно ее существа.

§ 4. Суждение о догме: комментарии к программе верификации.

§ 4.1 Принцип аксиоматичности.

Первый имплицитный комментарий состоит в том, что достижение верификационного ценза – а таковым, повторимся, здесь является уяснение Означаемого (содержания) правового режима – гарантирует окончательное тестирование истинности суждения, его успешное завершение. Дело в том, что Означаемое, о котором мы говорим, – заключенное в содержании нормы права правило поведения – есть, в логической

¹ Правовой режим понимается здесь как Означаемое действующего права в целом, а не только корреляты текстуального Означаемого.

интерпретации, *аксиома*, т. е. утверждение, чья истинность принимается бездоказательно. Назовем это явление *принципом аксиоматичности* права.

§ 4.2. Принцип верификационной автономии.

Второе пояснение указывает на то, что как вид высказывания норма права должна быть отнесена к *Ding an sich*¹, – это Означающее, чье истолкование закрыто для любых методов верификации, помимо тех, что заключены в самом высказывании. При попытке прочтения на языке любого иного знания о содержании нормы права нельзя сказать ничего – она представляет собой набор непроницаемых для интерпретации знаков и в этом смысле безмолвствует. Норма права не сообщает никаких значений, кроме тех, что созданы нормой права. Все, что «хотел сказать» законодатель, было им сказано, и поэтому норму права нельзя дополнять – ибо ей не вменить Означаемое, не верифицируемое из нее самой; и он не сказал ничего, чего «не хотел бы сказать», и значит, нельзя сократить это Означаемое по сравнению с тем, что читается из самой нормы на ее собственном языке. Законодатель, далее, не мог бы вынести носители значений легального текста за его пределы; не может, другими словами, Означающее содержания догмы лежать вне легального текста. Ибо любые Означающие, лежащие вне текста *per se*, в абсолютно любом случае активировались бы языком, производимым самим текстом, и, оказываясь тем самым под его семантической юрисдикцией, должны считаться пребывающим под его суверенитетом – собственно, его частью.

Если считать, что текст – это реальность, означенная *внешним* языком, то едва ли такой реальностью можно было бы считать норму права. Можно вполне представить текст с единственным Означаемым – и таковым, как мы вскоре увидим, является текст нормы права, но таковыми являются и любые атомарные высказывания. При этом текстом с единственным Означающим может быть и текст с неединственным Означаемым. Верно и обратное. Но норма права, обладая одним, и только одним Означаемым, представляет собой текст, а скорее – квазитекст, означенный одним, и только одним языком, и это текст, создавший тот язык, на котором должен быть прочитан. Таким образом, текст права – это реальность, которая сама себя означает, причем единственным возможным образом и одним единственным значением.

Этот, по-видимому, уникальный семиотический феномен возникает из того, что нормативный правовой текст является правилом. Можно сразу обратить внимание на то, что в русском языке правилом называют как текст нормы права или иного общественного регулятора, так и ее содержание – т. е. как формулу, так и модель правомерного, «правильного» поведения², предписываемого правилом своим адресатам. Правило – это текст, но правило – это и Означаемое этого текста. И такая семантика объясняет только что описанный феномен нормы права как высказывания: между правилом-формулой и правилом-означаемым нет тождества, но правило-формула обнаруживает себя в правиле-означаемом через производимый им самим язык, с помощью которого и происходит наделение значением.

Правило мы именуем самоозначающей реальностью ввиду того, что тот, кто высказывает правило (законодатель), заявляет актом высказывания (актом законодательства) неприменение к тому, что высказано, способов проверки его истинности. Издать закон, установить правило (здесь – как Означаемое) – это высказать нечто так, что высказанное должно приниматься как находящаяся вне верификационного поля, аксиоматическая – не «без», а внедоказательственная истина. Закон является безапелляционным утверждением: он не апеллирует ни к каким личным авторитетам, способным подтвердить истинность того, что он утверждает.

§ 4.2.1 Аксиоматичность и верификационная автономия.

Поэтому аксиоматичность права, о которой говорилось в § 4.1, примордиальна. Сама по себе аксиоматичность высказывания не создает ему иммунитет против верификаций и гарантий его безошибочности; она является показателем соответствия одному из верификационных стандартов, допускающих принятие некоторых высказываний, для целей верификаций в определенной среде, без доказательств. Однако в мета-среде, где применимы языки (схемы означивания) более высокого уровня, – то есть там, где может быть раскрыто содержание аксиомы, – аксиома становится обычным высказыванием; она открывается верификациям и может быть опровергнута. Есть, впрочем, класс высказываний³, которые *принимаются* окончательно правильными, но это всего лишь допущение, вовсе не изолирующее высказывание от верификационных запросов. В отличие от этих высказываний, аксиоматичность легального текста является окончательной: Означаемое в нем принимается как истина ввиду верификационной автаркии. Тот, кто захочет назвать легальное правило истиной в последней инстанции, не будет вынужден прибегать к интонационной инверсии — в частности, ему не понадобятся кавычки. Норму права не лишит этого иммунитета; нельзя снять с нее скафандр аксиоматичности и представить в виде обычного высказывания в мета-среде, открытого к верификационным цензам более высокого уровня.

Итак, сказать что-либо об Означаемом правила, используя иные языки, чем язык самого правила, можно лишь тогда, когда правило утратит аксиоматичность, что полностью исключается его природой; если бы мы могли прочесть норму легального текста через иные языки, это означало бы, что мы допускаем ее тестирование на истинность — но такое допущение непозволительно.

¹ Термин из трудов И. Канта, означающий такое понимание философом мира вещей, при котором исключается познание того, что такое вещь, за рамками опыта, – все, что человек может знать о вещи, сообщается опытным восприятием. Считается, что принятый ранее в русскоязычной традиции перевод «вещь в себе» неточен, ибо создает представление о возможности существования вещи и «не в себе», а поэтому следует переводить кантовскую категорию как «вещь сама по себе».

² Включая сюда и поведение, предписанное санкциями.

³ Например, «через точку можно провести на плоскости только одну прямую, параллельную к другой прямой на этой же плоскости».

Мы не располагаем каким-либо иным знанием об Означаемом легального текста, помимо знания, которое легальный текст через свое Означающее сообщит нам о своем Означаемом. Любой способ означивания текстуальной реальности права, если он не выводится из самого этого текста, не вправе существовать. Законодательный акт недоступен для чтения на любом другом языке, кроме языка, создаваемого самим законодательным актом. Это рассуждение подводит нас к тезису: «легальный текст есть самоозначивающая реальность».

§ 4.2.2 Сертификация Означающего.

Нормативное право, мы можем это утверждать, создает свой собственный язык. При оценке этого утверждения не стоит смущаться тем, что язык права использует означающие (лексемы и проч.) других языков, прежде всего – общесловарного языка. Дело объясняется следующим. Любые средства языка права активируются как Означающие, то есть обретают способность наделять легальную реальность значениями, лишь тогда, когда они патентуются (сертифицируются) в этом качестве самим легальным текстом, причем такой сертификат (патент) всегда будет содержать и строго очерченную компетенцию запатентованного языкового средства (область его применения). Такая легитимация может быть и частью этого текста, чему самый простой пример – дефиниции терминов, включаемые в преамбулу или в вводные статьи нормативного акта, однако она может осуществляться имплицитно, о чем подробно будет сказано ниже. Итак, легальный текст наделяет средства языка способностью наделять его значениями, и без прохождения такой процедуры они непригодны для его интерпретации. И поэтому является ложным такое толкование этого текста, которое использовало бы для его прочтения язык, несанкционированный самим текстом.

Любое суждение о действующем праве должно восприниматься как заковыченное дважды.

Первые кавычки являются «общепрофессиональными»: они применимы к отдельным лексемам и показывают согласительный (конвенциональный) характер любой профессиональной терминологии [Вольфсон 2023а: 47]. Вторые же – это специфические кавычки правоведения, и они относятся к высказыванию в целом: они призваны показать, что любое смыслообразование в этой профессии испытывается на истинность исключительно предметом высказывания – текстом, прочитанным его создавшим языком. «Так называемыми» являются в юриспруденции, как в любом профессиональном обороте, все единицы ее тезауруса, но «так называемыми», и в этом уникальность языка права, являются и составленные из них утверждения.

Можно описать существо дела так: легальный текст пребывает вне доступа внешней верификационной сети и отклоняет любые запросы на верификацию, если те не легитимированы его собственным «протоколом». И поэтому, как уже не раз говорилось, этот текст оставляет толкователей только с одной конструкцией Означающего – той, что создается языком самого этого текста. Отсюда вытекает еще одна особенность правила как вида высказывания: тот, кто *издает* правило, тот и создает его Означаемое. Применительно к текстуальному феномену это, по-видимому, столь невероятная характеристика, что впору было бы спросить, приложима ли она вообще к тому, что может называться текстом (к означенной реальности); этот вопрос выходит за рамки нашего предмета, но позже мы его зададим еще раз.

§ 4.2.3 Верификационная автономия в сакральных текстах, метафорах и в идиомах.

Изложенный взгляд на сущность законодательного акта помогает объяснить некоторые связанные с ним устойчивые представления. Речь прежде всего о статусе сакральности законодательных текстов. Становится понятным, почему в архаичных культурах законы доставлялись (транслировались) народу (иногда – в лице избранных для этого посредников) божеством, выполняющим космогоническую функцию, а в монотеистических религиях – единым вседержителем. Закон осознается как существенная часть богодухновенного священного писания. В соответствии с тем же представлением, акт законодательства мог быть сообщен и оракулом (как представителем передающей, а не воспринимающей инстанции); как и при первом способе, закон здесь трансцендентален, а его источник, от имени которого вещает оракул, – трансцендентен, но к этому прибавляется еще и «аверифицируемость» речений оракула, что делает этот способ, вероятно, наиболее точной аллегорией языка права. К постулату первозданности, вначальной данности восходят и метафорические уподобления способов, применяемых для сообщения законодательных актов: они описываются как закрепленные «на скрижалях», «высеченные в мраморе», иногда «написанные кровью», и, конечно, никогда не будет недостатка в материализации этих метафор. Современное сознание также не чуждается подобных архетипов, о чем свидетельствуют такие устойчивые выражения, как «зарубить на носу», «выделить красным маркером», «прописать в FAQ». Все они утратили буквальный смысл, а их идиоматизацию лучше всего оценить на тех из них, что только недавно ей подверглись. Так, последнее из этих речений уже не подразумевает включение правила в памятку, представляющую собой ответы на часто задаваемые вопросы. Как и другие выражения из приведенного ряда, оно превратилось в лексему, означающую «затвердить правило, вызубрить его, – принять его самодовлеющий верификационный потенциал и отказаться от попыток применить к нему несанкционированные им самим средства прочтения». Во всех этих случаях, независимо от того, обосновывается ли авторитет правила его сакральным происхождением или же такая связь устанавливается аллегорично, но средствами показательной идиоматики, нам дано почувствовать, что легальный текст понимается как самодостаточная и самоозначивающая семантическая реальность, возникающая из – и только из – производимого ею языка. Стоит оговориться: мы отнюдь не ведем здесь речь о том расхожем воззрении на право, которое сакральную родословную, в буквальном или переносном словоупотреблении, приписывает его другому и общеизвестному свойству – недопустимости отступления от содержания правила, каковая атрибуция нередко проясняется через такие иносказательные фигуры, как «непоколебимость права», «прочность права» и т. д. Мы же,

если и говорим о прочности, «монолитности» права, то лишь в том нужном нам значении, которое указывает на самодостаточность текста права, на его способность верифицировать толкования своих Означаемых (то самое содержание правил) путем производства собственных средств языка, т. е. создания ценза верификации.

Перебирая эти похожие на архетипы метафоры, а также их исторически неизбежные – и многочисленные! – субстантивации на предмет близости к природе легального текста, мы, пожалуй, могли бы остановиться на той из них, которая представляет его «высеченным в камне», «начертанным на скрижалях», а еще лучше – «проступающим» на какой-либо поверхности. В этих иносказаниях «монолитность» Означающего в праве – в раскрытом выше значении – показывает не только создавшееся положение, но и суггерирует каузальную модель, трансцендентальность Означаемого в легальном тексте увязывающую с верификационной примордиальностью самого правила. Норма права – это то, что нельзя обойти, но не потому, что «*dura lex, sed lex*», не из-за той неподатливости закона чьим-либо представлениям о высшем благе, что требует принятия обета законопослушания, а потому, что нет истины, не только предшествующей, но и первенствующей по отношению к истине закона – «за» этой истиной нет ничего, о чем можно было бы судить. Всякое доступное знание о смысле легального правила приобретает только из него самого – непосредственно или через делегированную им компетенцию прочтения.

Выше уже отмечалось, что обнаруженные качества легального текста дают повод усомниться в том, что наделенное ими явление обладает теми же общими предикатами, что и явление, именуемое «текстом». Последнее есть реальность, означенная языком, а легальный текст – это реальность, возникшая из самоозначивания; реальность, как мы только что увидели, в разных значениях монолитная. Во всяком случае, позволительно было бы спросить: не правильнее ли считать легальный текст вещь, не текстом? В самом деле, то, какой является вещь, никак не зависит от нашего опыта наблюдений; она «сама по себе», она самодостаточна. В свою очередь, и легальный «текст» не нуждается для собственного означивания в других языках. И все же то, что означивается в этом тексте, не тождественно самому тексту; Означающее и Означаемое в догме – не одно и то же. Вещь же тождественна самой себе: вещь означает только то, что она есть.

Принцип толкования легального текста исключительно из него самого, с использованием только того языка (методов означивания), который порождается или «патентуется» им самим, мы будем именовать принципом верификационной автономии. Признание этого принципа толкования влечет принятие некоторых следующих из него правил.

§ 4.2.4 Верификационная автономия и аскриптивность.

Известно, что Харт относил нормы права к высказываниям особого рода¹, которые он называл аскриптивными, противопоставляя их не только дескриптивным, но и дихотомической парности, образованной из положительной и отрицательной модальности дескриптивности [Hart 1951], [Оглезнев, Тарасов 2010: 105]. Высказывания этого типа не только ничего не описывают, но и по природе своей неспособны к описанию, а потому не подлежат верификации. Таким образом, Харт приходил к тому же свойству правил как высказываний, но все же исходя из другой посылки.

Признавая значительный эпистемологический потенциал у идеи выделять высказывания аскриптивного типа, в том числе – видеть это свойство в правовых текстах, автор считает, что это свойство не является необходимым качеством исследуемого языка. Было бы натяжкой полагать, что легальные категории тотально аскриптивны; несмотря на то, что мысль Харта вдохновлялась в том числе преодолением метафизических препятствий, такой ее итог в свою очередь становится метафизическим аргументом, противостоящим онтологической модальности права: любое правоприменение всегда будет исходить из того, что легальные правила имеют денотат в виде обстоятельств дела; любое разрешение вопроса факта подразумевает их интерпретацию в концептуальном поле найденных ответов на вопросы права.

Язык догмы не аскриптивен, но аверифицируем; тотальная неспособность подвергнуть его проверке на истинность является не следствием его природы, а его имманентным свойством.

Что же касается перформативной природы, которую Харт усматривал у некоторых таких высказываний, то этот очень интересный сюжет дальнейшего исследования нашей темы, по-видимому, в большей мере относится к области лингвистики. Но заметим, что для перформативного высказывания, т. е. речения-действия, по определению требуется субъект действия, тогда как фигура законодателя, как будет ясно из дальнейшего, в нашем видении является трансцендентной и едва ли может быть наделена субъектностью.

§ 4.2.5 Принцип верификационной автономии: некоторые последствия для толкования.

Самым очевидным следствием, вероятно, будет правило непогрешимости юридической техники законодателя. Эта хорошо известная в учениях о толковании закона максима, как правило, представлена в виде презумпции [Матвеев 2020: 113; Кононенко 2014: 150]. Между тем любые толкования, основанные на допущении об «ошибке» законодателя, должны полностью исключаться в каждом отдельном акте правоприменения и искореняться – в масштабах правовой системы. Приведенное понимание легального текста как автономного генератора Означаемого делает его самоочевидной аксиомой толкователя. Ошибка законодателя в нормотворческой технике составляет априорное допущение аналитической юриспруденции, но оно не может руководить толкованием нормы права.

Другое очевидное, но чрезвычайно важное для сложившейся в России системы правопонимания (и правоприменения) следствие из принципа верификационной автономии состоит в том, что никакое, кроме

¹ Понятия, включаемые в эти высказывания, Харт также считал понятиями особого рода — но уже в смысле *sui generis*, то есть такими, определение которых не может быть дано путем противопоставления однопорядковым, т. е. относящимся к тому же таксономическому ряду, с ними категориям; иными словами, их нельзя, по Харту, определить по принципу *per genus et differentiam*.

аутентичного, разъяснение положений законодательства, независимо от его авторитета и даже официальной статусности, не может быть принято в качестве легитимного (т. е. верификационно-годного) суждения о догме. Нелегитимны попытки конструкции Означающего текста права с использованием какого бы то ни было толкования, если такой язык прочтения представляет собой самоназначенную схему означивания, в том числе если применение этого языка нарушает иерархию этих схем, которую мы собираемся выстроить ниже. Так, если процедуры означивания легального текста не заданы самим этим текстом, толкование догмы не должно считаться ни с интерпретациями легальных терминов во внеправовой лексикографии, ни с суждением о ней доктрины, ни, пусть это может уже кого-то удивить, с правоприменительными позициями судов – как устоявшимися в практике (в том числе в целях ее т. н. «единообразия»¹), так и сформулированными высшими судами [Вольфсон 2014: 5-23]. Это суждение может показаться не столь очевидным применительно к разъяснениям авторов законопроекта – например, в пояснительной записке или во время его обсуждения в законодательном органе. И тем не менее, данное правило в полной мере приложимо и к таким разъяснениям. Суждение авторов законопроекта не создается Означающим в самом легальном тексте и не является порождаемым им Означаемым. Допущение иного отношения к такого рода разъяснениям нарушило бы принцип верификационной автономии, поскольку подразумевало бы, что легальный текст не порождает все необходимые для себя означаемые. Таким образом, эти разъяснения могут быть санкционированы лишь в рамках стандартного «патентования» легальным текстом способов его прочтения. Вместе с тем при конкуренции «запатентованных» внешних средств, например, при коллизии словарного значения и того, на котором настаивают авторы законопроекта, следует отдавать предпочтение последнему разъяснению как более авторитетному. Иерархия методов толкования будет подробно рассмотрена в завершение работы.

Наконец, для правил толкования исключительное, хотя куда менее тривиальное значение имеет недопустимость альтернативного, по отношению к тому, что задается Означающим догмы, вменения интереса. Как указывалось в предисловии, исследование языка догмы автором в свое время началось с того, чтобы этот вывод из принципа верификационной автономии был включен в теорию осуществления субъективного права.

§ 4.2.6 Значение принципа верификационной автономии для теории осуществления субъективного гражданского права.

Хотя исследованию языка права предназначалось стать самодовлеющим предметом представленной работы, по сравнению с ее первой версией, где, как отмечалось в предисловии, оно возникало как ответвление теории осуществления права, считаем нужным заметить, что раскрытое понимание легального текста ведет к однозначно утвердительному ответу на вопрос: весь ли презюмируемый интерес, юридическим воплощением которого, в воззрениях автора, служит субъективное частное право, без остатка вменяется в установленные легальным текстом основания этого права, представляющие собой, согласно этим воззрениям, минимальные значения указанного интереса? Такой ответ следует из силлогизма: если (а) в пространстве позитивного права отсутствуют значения, которые не задавались бы означающими, сконструированными из легального текста, и те значения, которые прямо не определяются самим этим текстом, им сертифицируются, и (b) если установленные легальным режимом основания всякого субъективного права суть минимальные значения вмененной квоты интереса, то в юрисдикциях позитивного законодательства исключается вменение обладателю субъективного частного права, основания которого установлены законом, помимо того вменения, что воплощено в этих основаниях [Вольфсон 2023: 45]. Разумеется, этот вывод исключает прочтение текста позитивного права с использованием телеологических приемов, в частности применение конструкции «обхода закона».

§ 4.3 Принцип однозначной внятности.

Третий комментарий, наряду с программой верификации молчаливо сопровождающий любое высказывание о действующем праве, состоит в том, что эта программа сработает безотказно: не существует такого толкования нормы права, которое нельзя было бы подтвердить или опровергнуть. Другими словами, при толковании нормы права не наступает верификационный тупик. Это свойство позитивного права – и одновременно свойство верификации суждения о праве – можно назвать принципом внятности права.

Наконец, судящий о содержании права всегда молчаливо утверждает, что его высказывание атомарно – оно может быть либо истинным, либо ложным. Означаемое права, будучи всегда нормой поведения, не должно допускать инвариантность толкования, истинностную амбивалентность. И здесь мы знакомимся с еще одним свойством обсуждаемой реальности – с принципом однозначности права.

Чаще всего все три принципа – верификационной автономии, внятности и однозначности – сообща должны руководить толкователем. Но объединяя два последних принципа, мы могли бы так описать их общую миссию: у любого правила есть одно, и только одно «правильное» (хотя еще лучше без кавычек) прочтение, и это прочтение всегда у правила есть. В праве всегда *есть* истина, и это только одна истина. Мы сформулировали «принцип однозначной внятности права». В сочетании с верификационной автономией это качество легального текста сообщает нашим представлениям о праве тот уровень парадоксальности, который – если, разумеется, парадокс не является искусственным – часто служит первопроходцу подтверждением верности выбранного курса. И этот парадокс становится отправной точкой для многих выводов, но, чтобы не уходить в сторону от этого принципиального для нас направления, мы упомянем самый парадоксальный из них: аналитическая юриспруденция является *точной наукой*.

¹ Нарушение «единообразия в толковании и применении судами норм права» является одним из оснований отмены судебных актов в порядке надзора в действующем процессуальном законодательстве (ст. 308.8 АПК РФ и ст. 319.9 ГПК РФ).

Вернемся к раскрытию третьего имплицитного комментария. Он указывает на то, что толкователь никогда не останется без критериев выбора в пользу *правильной* версии толкования. Иными словами, суждение о выборе прочтения всегда снабжено гарантиями успешной верификации. Даже в самых «безвыходных» ситуациях у правоведа сохраняется доступ к верификационному лазу. И в самом деле, язык, содержащий *правила поведения*, всегда должен быть открыт для уяснения теми, кому эти правила предписаны; высказывание, в котором такой интенции нет, перестает быть и правилом, и нормой права, – в таковых всегда должна читаться адресация тем лицам, чье поведение они регулируют. Таким образом, внятность права следует понимать не только как его свойство, но и как вмененное законодателю намерение донести правило поведения до его адресатов в том изложении, что соответствует наиболее вероятной конструкции Означающего из всех возможных при толковании. Язык права как явление должен не только пониматься, но и *приниматься* как передающий правило *наиболее внятном* образом. Такое вменение является единственным способом описания «воли законодателя», несводимой к той, что явлена в самом легальном тексте. О «воле законодателя» нам твердо известно то, что он предназначал ее нашему пониманию. Но о содержании его воли может говорить исключительно легальный текст.

Раскрытая выше интерпретация третьего имплицитного комментария сохраняет ему самостоятельность по отношению к принципу верификационной автономии, исключая дедукцию как этого последнего принципа из верификационной внятности права (отнюдь не всякое высказывание с верифицируемым Означаемым является правовой нормой), не говоря уж об уникальности верификационной ситуации легального текста, так и внятности права – из самодостаточности Означающего: отнюдь не всякое послание с трансцендентальным Означаемым рассчитано на наше понимание; далеко не всякий раз оракул говорит то и для того, что и чтобы могло и должно быть понято.

Принципы внятности и однозначности были сразу отнесены к одному имплицитному комментарию, а в конечном счете объединены в единый принцип. Тем не менее, раскрыты они были порознь, что объясняется их относительной самостоятельностью. Легко заметить, что парадигма внятности не призвана служить обоснованием какого-либо определенного толкования: она велит исключать предположение о неверифицируемости текста, а также презюмировать правильными наиболее убедительные конструкции Означающего, но не объясняет, почему прочтений не может быть несколько. В свою очередь, принцип однозначности осуществляет уточняющую, по отношению к принципу внятности, миссию. Когда постулируется, что текст может пониматься только либо истинно, либо ложно (базовая посылка принципа однозначности), ему тем самым уже предпосылается свойство внятности. Кроме того, принцип внятности относится к интерпретации Означающего, а принцип однозначности редуцирует Означаемое, что, впрочем, эквивалентно и отсеву соответствующих означающих.

Однако ниже мы будем представлять дело так, как если бы оба эти принципа действовали совместно, т. е. будем говорить о едином верификационном принципе «однозначной внятности». Функционально этот единый принцип призван устранить любые колебания, объективно – ибо субъективные aberrации не важны – способные породить неочевидность однозначного толкования. К примеру, многие коллизии были бы непреодолимы с помощью ординарных текстуальных верификаций, если бы в арсенале толкователя не имелось правила недопущения амбивалентности как экстраординарного верификационного средства. Когда же мы принимаем, что любой легальный текст обладает, во-первых, единственным, и во-вторых, внятном значением, мы соглашаемся считать подлежащими применению такие способы уяснения Означаемого, которые не ограничатся стандартными, во всяком случае – текстуальными техниками. И принцип однозначной внятности действительно вооружает догматическое правоправедение таким инструментарием.

§ 5. Толкование догмы: принцип логической достоверности.

Здесь нам пора перейти к завершающей части работы. В ней будут представлены прикладные по отношению к предшествующему рассуждению, но крайне существенные и, будем надеяться, достаточно им обоснованные выводы. Мы бы хотели предложить формулу отбора Означаемого в праве – проще говоря, общее правило его толкования. Представленная выше аргументация позволяет изложить это правило лаконично, в виде теоремы.

Итак, поскольку мы утверждаем, что:

а) означаемое легального текста трансцендентно по отношению к языкам; этот текст сам создает свои значения и никогда не может быть понят иначе, чем сам из себя, т. е. любой язык, на котором он может быть прочитан, должен быть им произведен либо наделен компетенцией производства значений;

б) легальный текст может и должен быть понят; он существует для того, чтобы быть понятым адресатом;

в) легальный текст может и должен быть понят в одном, *и только в одном* смысле; только один его смысл является верным;

постольку следует считать, что воля законодателя всегда выражается в *той, и только той* конструкции Означающего, которая определяется схемой означивания, логически наиболее достоверно выявляющей волю законодателя.

Семантика употребленных здесь терминов и выражений должна быть понятна из расположенного выше материала, но для точного уяснения формулы толкования будут даны определения двух ее элементов.

Конструкция Означающего – прочтение текста через наделение значениями определенных его элементов в соответствии с примененной методикой означивания; путь к обретению Означаемого.

С х е м а о з н а ч и в а н и я – это язык или языки, выбранные для «назначения» Означающего. Схемы означивания можно понимать как приемы выявления воли законодателя. Вот пример простейших из этих схем: «воля

законодателя выражена в тех значениях употребленных в законе терминов, которые установлены дефинициями этих терминов в преамбуле». В случае, если схемы вступают в коллизию, толкователь – как это следует из вышеизложенной формулы – должен применить ту, которая представляется наиболее достоверной версией воли законодателя.

Сам по себе такой подход к толкованию не нов – ему, во всяком случае, следуют и общеизвестные правила преодоления коллизий. Так, правило «общей и специальной нормы», которым предписывается руководствоваться Означаемым, определяемым Означающим более узкой по семантическому объему нормы, является более логичной схемой означивания, чем способное вступить с ним в коллизионное противостояние толкование исходя из общепринятого в доктрине понимания терминов, соответствующего их Означаемому в общей норме, и эта логичность первой схемы придаст большую убедительность той конструкции Означающего легального текста, которая будет основана на этой схеме. Предпочтительнее же эта схема потому, что выявляет волю законодателя в эксплицитном высказывании, возникающем благодаря логической последовательности: в ряду неоднократного умолчания высказывание не может иметь иной смысл, кроме противоположного тому, что выражен в умолчании¹.

Об известности такого подхода к толкованию свидетельствует и разъяснение, включенное во второе предложение абз. 3 п. 43 Пленума № 49. Правда, между известностью и признанием все-таки ощущается разница: Верховный Суд нетерпимо относится лишь «к такому пониманию условия договора, которое стороны с очевидностью *не могли иметь в виду (курсив мой – В. В.)*». Негативная методика здесь не встречает возражений – поскольку речь идет о толковании договора, а не закона, нужно действительно начинать уяснение смысла сомнительных условий с отсекающей версий, явно *не* соответствующих воле сторон, однако заметно и то, что очевидность здесь используется только в императивной модальности – она показатель не вероятности, как в нашем правиле, а императивности.

В целом же важнейшее отличие нашего понимания правила «наибольшей очевидности» от того, что известно в доктрине и практике, как представляется, заключается, во-первых, в его универсальности, а во-вторых, в его концептуальном обосновании. Автор этой работы полагает, что это правило должно руководить толкователем во всех случаях, причем, как будет уже вскоре показано, универсализм позволяет рейтинговать очевидность применительно к различным схемам означивания. В своей всеохватности оно предустановлено раскрытыми выше качествами легального текста.

Можно сравнить данный постулат с a single right answer thesis Р. Дворкина («теория единственного правильного ответа») [Dworkin 1986a]. Сходство того и другого подхода к правопониманию, по-видимому, является внешним. За общностью идеи о принципиальной верифицируемости суждения о праве, за близостью формул такой верификации (у нас это принцип наиболее логически достоверной конструкции, у Дворкина – доводы в пользу такой схемы толкования, которая в наибольшей мере соответствует и оправдывает институциональное единство права [Касаткин 2023: 306]), стоит различие эпистемологических предикатов такой верифицируемости: с одной стороны, представление о праве как самоозначающей реальности, с другой – о «целостности права» (law as integrity).

Отмеченная выше относительность формулы – предпочтение должно быть отдано схеме, *наиболее* достоверно выявляющей волю законодателя, – не должна разочаровать, ибо эта относительность – не свидетельство субъективности. Принцип однозначной внятности легального текста, предписывающий не допускать ни невозможность, ни множественность возможностей его понимания, единственно верной велит считать только такую схему означивания, которая *объективно* представляет собой наиболее достоверный способ определения воли законодателя.

Таким образом, однозначность и внятность права как особенности процедуры проверки на истинность суждения о догме суть не производные качеств правового текста и не показатели эффективности примененной программы верификации; это не констатация благополучного положения дел с верификацией, а напротив, причины такого положения. Эти правила верификации легального текста, составляя вместе с принципами аксиоматичности и верификационной автономии свод системных принципов догмы права, сами порождают, легитимируют и наделяют иммунитетом против верификационного скепсиса схемы ее означивания.

И далее, благодаря тому, что образование верной конструкции Означающего всегда надежно верифицировано, то есть выбор такого прочтения законодательного текста, которое следует из наиболее логически достоверной схемы его означивания, признается единственно истинным ответом на вопрос об Означающем текста, создается и возможность легитимации иерархии, расставляющей применение схем означивания в очередности, предзаданной той же логикой. Снова подчеркнем, что любые сомнения относительно того, какая из рассматриваемых версий верификационного отбора обладает большей логической достоверностью, по определению – или *из* определения принципа внятности – должны считаться преодолимыми. Толкователь исходит из того, что верификационного тупика нет и быть не может. У него всегда есть точный ответ, какой схеме означивания должно быть отдано предпочтение; а в редкой (при условии профессионального применения этого принципа) ситуации, когда он сам бы затруднялся указать на объективно более логически достоверную схему, можно было бы обосновать свой выбор вмененной позицией большинства гипотетических толкований. Впрочем, автор этой работы уповает на то, что ее тезисы позволят составить иерархию схем означивания легального текста в таком порядке, который не вызовет, во всяком случае, возражений, обращенных к применяемому критерию — относительной степени логической достоверности

¹ Точно та же семантика задается рядом неоднократно высказанных повторений одного и того же правила и последующим умолчанием в норме идентичной диспозиции; эта схема известна как «квалифицированное умолчание», но не станет преувеличением назвать ее эксплицитным умолчанием.

этих схем. Конечно, при оценке данного качества у каждой отдельной схемы и, соответственно, при определении ее иерархического ранга не исключены ошибки, но универсализм принципа, столь подробно раскрытого выше, поможет их избежать; в целом, концептуализм этой иерархии, осмелимся полагать, отличает ее от других подобных построений [Черданцев 1972; Хабибулина 2012: 58]. Вместе с тем мы считаем излишним, для достижения целей этой работы, составление исчерпывающего перечня схем означивания легального текста с присвоением каждой из них статуса; мы ограничимся лишь самыми заметными, с нашей точки зрения, способами выявления воли законодателя.

§ 5.1 Иерархия схем означивания.

Возникающая последовательность будет напоминать иерархичный строй источников права: использовать какую-либо схему можно лишь постольку, поскольку это не исключается возможностью использования схемы более высокого уровня. Не упуская из виду сделанные выше оговорки, предлагается считать схемы означивания легального текста расположенными, по мере убывания их объективной логической достоверности, в следующей, задающей рейтинг выбора означивающего, последовательности.

Используется значение, определяемое:

- 1) правовым актом, к предмету регулирования которого относится исследуемое правоотношение, – при коллизии между правовыми актами (правило *lex specialis*);
- 2) более поздним правовым актом – при коллизии между правовыми актами с неразличимыми предметами регулирования (правило *lex posterior*);
- 3) дефинициями в самом правовом акте (в преамбуле, вводных частях закона и т. д.);
- 4) правилом общей и специальной нормы, в т. ч. квалифицированным умолчанием (*specialia generalibus derogant*);
- 5) контекстом, в котором они используются в данном законодательном акте¹;
- 6) разъяснениями авторов законопроекта (в пояснительной записке, в ходе парламентских чтений);
- 7) устойчивым применением в судебной практике, что определяется в том числе разъяснениями высших судов;
- 8) устойчивым применением в доктрине;
- 9) общелексическим употреблением.

§ 5.1.1 «Воля законодателя» как метафизическая фикция.

Подчеркнем еще раз, что принцип верификационной автономии легального текста устраняет возможность использования так называемой «воли законодателя» в качестве самостоятельного, вынесенного за текст, верификационного критерия Означаемого легального текста, ибо его Означаемое не охватывается действием каких-либо верификационных критериев, кроме тех, которые санкционируются самим легальным текстом как самоозначивающей реальностью. Мы закавычиваем этот термин именно потому, что как внешнее легальному тексту, «воля законодателя» – это симулякр, лишенный всякой верификационной субстантивации. Воля законодателя явлена в легальном тексте; никакой другой, сторонней тексту, воли законодателя для целей догматического толкования не существует. Интенция внятности, о которой шла речь выше, также является свойством природы этого текста, а не методологическим принципом. Поэтому если воля законодателя не в метафизическом, а в приближенном к дословному значению смысле – в виде разъяснений авторов законопроекта или уже изданного правового акта – может служить схемой означивания, занимающей, впрочем, весьма скромное место в представленной иерархии, то вмененное законодателю намерение, руководящее выбором Означающего, если оно трансцендентально праву, но наделено модальностью сущего, как схема означивания не должна рассматриваться. Толкователь, определяя конструкцию означивающего, выражающую логически наиболее достоверное выявление воли законодателя, устанавливает саму эту волю, а не проекцию этой воли, не версию, которую было бы правдоподобно за нее выдать.

Между тем в отечественном правоведении бытует представление о «воле законодателя» как о некоей трансцендентальной познанию права, однако субстантивированной, сущей реальности. Это ему мы обязаны призывами к «уяснению воли законодателя», не утруждающими себя, по обычаям такого рода метафизики, предложениями научно обоснованной и целостной методики. И, рефлексируя снова на повод для написания первого извода этой статьи, скажем о том, что только в таком сознании могла зародиться идея об «обходе закона», поскольку закон представляется ему как недостаточный и *несамодостаточный* генератор юридического означаемого – и как таковой, имманентно открытый к мудрому руководству, обладающему юрисдикцией укрощать его необузданную натуру, смягчая идиосинкразические крайности и направляя в русло политически² верного толкования. Эта загадочная, одним лишь метафизическим вменением обоснованная *impregium* для оправдания своего произвола всегда будет прибегать к риторике о «воле законодателя» и, конечно, присваивать себе монополию на интерпретацию симулякра.

Оставаясь в философско-правовом поле, мы, вероятно, должны бы были охарактеризовать это явление как онтологизацию законодателя, однако, принимая во внимание его несомненную политическую инструментальность, честнее было бы выразить его в терминах общественознания, и тогда, пожалуй, его следовало бы назвать *реваншем*. Поскольку столь же ясно то, что эта узурпация догмы происходит за счет полномочий судебной

¹ Крайне важно обратить внимание на различие между этой схемой и телеологическим толкованием. Отличное пояснение этого различия можно почерпнуть из *ratio decidendi* решения по знаменитому английскому делу *Garner v. Burr* [1951] 1 KB 31.

Апелляционный судья указал на то, что слово *vehicle*, употребленное в подлежащем применении законе, должно пониматься не в словарном значении «транспортное средство», а в контекстуальном значении «любое средство передвижения, поставленное на колеса», и такое толкование задается прочтением языка закона, а не отказом от такового в пользу телеологии [Endicott 2022].

² Или, как выражаются наши оппоненты, «правополитически».

власти, которые мы условились аккуратно называть экстраконституционными, то уместно было бы ввести в оборот термин правоприменительный феодализм. Он может звучать слишком публицистично для академической теории права, но мы покривим душой, если воздержимся от построения категорий, освещающих существенно важную составляющую обсуждаемого явления. Дальнейшее же его раскрытие предпринимается в других исследованиях автора.

Заключение.

Здесь будут суммированы основные тезисы работы.

Легальное правило позитивного законодательства исследуется в работе в категориях Означающего и Означаемого.

Осевая идея предлагаемой теории заключается в том, что легальный текст как вид высказывания является самоозначиваемой реальностью. Происходит это ввиду следующих свойств легального правила как вида высказывания.

Во-первых, правило аксиоматично – иными словами, если толкование правила соответствует его содержанию, то это толкование является истинным.

Во-вторых, правило обладает противоверификационным иммунитетом (принцип верификационной автономии). Исключена проверка на истинность того, что было высказано в правиле. В этом смысле аксиоматичность правила тотальна – в отличие от других аксиом, которые открываются прочтению языками более высокого уровня. Из этого следует, что Означаемое правила может быть понято только через Означающие, сконструированные с применением схем означивания, созданных самим правилом. Легальный текст в конечном счете сам создает язык, на котором может быть прочитан (или делегирует другим источникам компетенцию по производству такого языка). Подтверждением этого качества легального текста служит указание на трансцендентальную природу законодательства в сакральных текстах, а также многочисленные лингвистические свидетельства в виде метафор и идиоматики.

В-третьих, любой легальный текст обладает внятностью, поскольку предназначен к исчерпывающему пониманию теми, чье поведение он призван регулировать (принцип внятности); познание Означаемого в правиле исключает верификационный тупик. Кроме того, атомарность правила как высказывания сообщает ему свойство однозначности: легальный текст всегда имеет одно, и только одно значение. Это свойство правила представлено в работе как «принцип однозначной внятности».

Установленные свойства легального текста делают возможным сформулировать общий принцип его толкования: следует отбирать ту версию Означаемого, которая соответствует конструкции Означающего, логически наиболее достоверно выявляющей волю законодателя.

Далее, принцип однозначной внятности позволяет установить иерархию схем означивания легального текста: поскольку всегда есть единственно верный выбор конструкции Означающего, определяемый примененной схемой, то и сами эти схемы можно расположить в последовательности, место в которой определяется тем же принципом наибольшей достоверности. Эта иерархия представлена в работе с оговоркой о том, что она может не исчерпывать все применимые схемы означивания.

Основные выводы исследования позволяют сделать некоторые более частные, но актуальные для современного правопонимания умозаключения.

Прежде всего, воля законодателя должна приниматься как трансцендентное начало, полностью воплощенное в легальном тексте, но не как субстантивный самостоятельный верификационный критерий и как самостоятельная схема означивания. Внешняя легальному тексту «воля законодателя» является метафизической фикцией, а любые апелляции к ней для целей толкования недопустимы.

Далее, допущение совершенной законодателем ошибки должно стать табуированным приемом толкования. Принцип непогрешимости юридической техники прямо следует из понимания легального текста как самоозначиваемой реальности.

Научно обоснованная иерархичность применения схем означивания легального текста должна исключать применение этих схем вне установленной очередности. Это в полной мере относится к так называемым «правовым позициям» судебной власти – у них есть свое место в этой иерархии, самозванное изменение которого, столь обычное в нашей правовой системе, должно расцениваться как узурпация догмы [Вольфсон 2023: 63].

Наконец, сущность догмы права как самоозначивающей текстуальной реальности исключает какое бы то ни было вменение интереса обладателю субъективного гражданского права, помимо того вменения, которое выражено, в виде минимальной квоты этого интереса, в предусмотренных законом основаниях субъективного права.

Литература

- Вольфсон В. Л. Непринужденная неустойчивость. О судьбах публичного интереса в пересмотре вступивших в законную силу судебных актов / Вестник СПбГУ. Серия «Право». – 2014. – № 2. – С. 5-23.
- Вольфсон В. Л. Об обходе законов / Юридическая мысль. – 2012а. – № 3(71). – С. 97-110.
- Вольфсон В. Л. Ответственность перевозчика за просрочку доставки грузов: развитие судебной практики в контексте меняющихся концепций / Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 6(103). – С. 83-92.

- Вольфсон В. Л. После ВАС: доктрина свободы договора в современном российском правоприменении / Закон. – 2016. – № 9. – С. 91-99.
- Вольфсон В. Л. Свобода договора как практическое руководство по его толкованию / Хозяйство и право. – 2023а. – № 2(553). – С. 39-55.
- Вольфсон В. Л. Теория злоупотребления правом. М., 2023.
- Вольфсон В. Л. Язык догмы: обход невозможен / Мир юридической науки. – 2012. – № 6. – С. 8-19.
- Касаткин С. Н. Проблема оснований и критериев права: критика теории социальных правил и конвенционального «правила распознавания» в доктрине «раннего» Р. Дворкина / RUDN Journal of Law. 2023. – Т. 27. – № 2. – С. 288-308.
- Кононенко В. И. Особенности толкования и применения законодательства в уголовном судопроизводстве России по судебным уставам 1864 г. / Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 21. – С. 148-151.
- Кошелева А. Ю. Язык права: формирование символов и влияние на реальность / Вестник РГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2013. – № 1(102). – С. 173-181.
- Матвеев А. Г. Проблема регламентации исполнения как объекта смежных прав в Гражданском кодексе Российской Федерации / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 3(42). – С. 113.
- Муранов А. Внедрение в ГК РФ понятия «обход закона» будет глубоко ошибочным шагом / Российская бизнесгазета – Новое законодательство. – 2011. – № 795. URL: <https://www.rg.ru/2011/04/12/muranov.html>.
- Муранов А. И. К вопросу об «обходе закона» / Московский журнал международного права. – 1997. – № 3. – С. 42-76.
- Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960.
- Оглезнев В. В., Тарасов И. П. Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий / Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 8 (12). – С. 102-110.
- Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962.
- де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики; пер. А. М. Сухотина; под ред. Р. О. Шор. М., 2023.
- Томсон Г. В. Природа юрислингвистики / Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 2(63). – С. 380-382.
- Хабибулина Н. И. Грамматическое толкование норм права / Российское правосудие. – 2012. – № 7(75). – С. 56-62.
- Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972.
- Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford, 1962.
- Dworkin R. "Is There Really No Right Answer in Hard Cases?" in A Matter of Principle. Oxford, 1986a.
- Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, 1986.
- Endicott T. Law and Language. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition, substantive content change), Ed. N. Zalta (ed.) URL: <https://clck.ru/39HXP>.
- Hart H. L. A. The Ascription of Responsibility and Rights / Essays on logic and language. 1951. Vol. 7. P. 145-166.
- Hart H. L. A. (2012). The Concept of Law, 3rd edition. Oxford.
- Raz J. Practical Reason and Norms. Oxford, 1990.

References

- Volfson, V. L. (2014). Free and Easy Instability. On Destinies of Public Interest in Review of Judgements Which Have Become Final. Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 2, 5-23 (in Russian).
- Volfson, V. L. (2012). About Abuse Laws. Legal Thinking, 3, 97-110 (in Russian).
- Volfson, V. L. (2022). Carrier's Liability for Late Delivery of Goods: Development of Court Practice within the Context of Changing Concepts. Bulletin of Arbitration Practice, 6, 83-92 (in Russian).
- Volfson, V. L. (2016). Post-SAC: The Freedom of Contract Doctrine in the Modern Court Practice in Russia. The Law, 9, 91-99 (in Russian).
- Volfson, V. L. (2023). Contractual Freedom as Practical Guidance on Its Interpretation. Economy and Law, 2, 39-55 (in Russian).
- Volfson, V. L. (2023). Abuse of Right as a Theory: a monograph. Moscow (in Russian).
- Volfson, V. L. (2012). Dogma Language: Evasion Impossible. World of Legal Sciences, 6, 8-19 (in Russian).
- Kasatkin, S. N. (2023). Issues of Foundations and Criteria of Law: Criticism of the Theory of Social Rules and Conventional Rule of Recognition in "Early" R. Dworkin's Doctrine. RUDN Journal of Law, 2, 288-308 (in Russian).
- Kononenko, V. I. (2014). The Features of Interpretation and Application of the Criminal Procedure Law in the Criminal Justice according to the Judicial Statutes of Russian of 1864. Theory and Practice of Social Development, 21, 148-151 (in Russian).
- Kosheleva, A. Yu. (2013). Law Language: Symbol Formation and Influence upon Reality. RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations", 2013, 1, 173-181 (in Russian).
- Matveev, A. G. (2020). The Problem of Regulation of Performance as the Object of Related Rights in the Civil Code of the Russian Federation. Proceedings of Voronezh State University. Series: Law, 3, 109-115 (in Russian).
- Muranov, A. (2011). The Introduction of the Concept of "colorable transaction" into the Civil Code of the Russian Federation will be a deeply erroneous step. Russian Business Newspaper. New Legislation, 5. Available from: <https://www.rg.ru/2011/04/12/muranov.html> (in Russian).
- Muranov, A. (1997). On the Issue of "Circumvention of the Law." Moscow Journal of International Law, 3, 42-76 (In Russian).
- Nedbaylo, P. E. (1960). Application of the Soviet Rules of Law: a monograph. Moscow (in Russian).

-
- Ogleznev, V. V., Tarasov. I. P. (2010). The Ascriptivity as Ontological Characteristic of Legal Concepts. Tomsk State University Journal of Law, 8, 102-110 (in Russian).
- Pigolkin, A. S. (1962). Interpretation of Legal Regulations in the USSR: a monograph. Moscow (in Russian).
- de Saussure, F. (2023). Course in General Linguistics. Transl. by A. M. Sukhotin. Ed. by R. O. Shor: a monograph. Moscow. Available from: <https://urait.ru/bcode/540553> (in Russian).
- Tomson, G. V. (2017). Nature of Juridical Linguistics. The world of science, culture and education, 2, 380-382 (in Russian).
- Habibulina, N. I. (2012). Grammatical Interpretation of Rules of Law. Russian Justice System, 7, 56-62 (in Russian).
- Cherdantsev, A. F. (1972). Issues of Interpretation of the Soviet Law: a monograph. Sverdlovsk (in Russian).
- Austin, J. L. (1962). How to Do Things with Words. Oxford.
- Dworkin, R. (1986a). "Is There Really No Right Answer in Hard Cases?" in A Matter of Principle. Oxford.
- Dworkin, R. (1986). Law's Empire, Cambridge.
- Endicott, T. (2022). Law and Language. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition, substantive content change), Ed. N. Zalta (ed.) Available from: <https://clck.ru/39HXP>.
- Hart, H. L. A. (1951). The Ascription of Responsibility and Rights. Essays on logic and language, 7, 145-166.
- Hart, H. L. A. (2012). The Concept of Law, 3rd edition, Oxford.
- Raz, J. (1990). Practical Reason and Norms. Oxford.
-

Citation:

Вольфсон В. Л. Язык догмы: означающее и означаемое // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 6-19.

Volfson V. L. (2024) Dogma Language: the Signifier and the Signified. Legal Linguistics, 34, 6-19.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---